

М. В. Александрова*

Петрозаводск

**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ
В ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
М. А. БУЛГАКОВА «ДЬЯВОЛИАДА»**

Творчество М. А. Булгакова невозможно понять, если упустить из поля зрения влияние на него библейской традиции. О. А. Дашевская отметила, что в целом «в художественном сознании эпохи (1920—1930-е годы) превалирует интерес к христианской мифологии... Библейские сюжеты, мотивы, образы в разных формах и видах присутствуют почти во всех произведениях М. Булгакова»¹. Исследователь замечает, что с этой точки зрения в меньшей степени изучена драматургия писателя. Однако очевидно, что основное внимание уделяется прежде всего самым заметным произведениям Булгакова («Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Собачье сердце»). Повесть 1923 года «Дьяволиада», конечно, упоминается в работах исследователей творчества писателя, но чаще всего в ряду других произведений, как, например, в книге Е. А. Яблокова «Мотивы творчества Михаила Булгакова». Отдельно же, тем более с точки зрения христианских традиций, «Дьяволиада» не рассматривается, хотя понятно, что влияние библейских мотивов в ней проявляется очень ярко. Как и все художественное наследие М. А. Булгакова, это произведение о борьбе с нечистой силой, что пытается завладеть миром,

---

© Александрова М. В., 2008

¹ *Дашевская О. А.* Библейское начало в драматургии М. Булгакова («Бег», «Адам и Ева») // Творчество Михаила Булгакова. Томск, 1991. С. 115.

недаром столь часто появляется на ее страницах фигура Дьявола. Мы обратимся к общей атмосфере повести и образам главных героев, которые, хоть и противостоят друг другу, в результате оказываются родственными по своей природе.

Прежде всего обращает на себя внимание говорящее название повести: это как бы намек на апокалипсическую природу произведения. Все содержание «Дьяволиады» подтверждает данное предположение. Нельзя не заметить, что повесть буквально «пропахла серой». Считается, что этот запах — обязательный признак Ада, грехов. В «Откровении Святого Иоанна Богослова» мы видим картину великого дня гнева Божьего, где появляются кони, изо рта которых «выходил огонь, дым и сѣра» (Откр. 9:17). Так и в «Дьяволиаде»: «Коротков, задохнувшись от едкого *серного* запаха, закашлялся...»², «слова неизвестного пахнут *спичками*» (С. 11), «В полутьме пахло чуть-чуть *серой*» (С. 21), «Пусть воняет там этими *спичками*» (С. 29) и т. д. А голова ненавистного Короткову Кальсонера представляется делопроизводителю целой кучей спичечных коробок, которые он «с хрустом давил» (С. 22).

Помимо этого, повесть наводнена персонажами, которые, так или иначе, имеют в облике черты нечистой силы. Наставляя Моисея, Господь сказал, что не может «приносить хлѣб Богу своему» (Лев. 21:17). «Никто, у кого на тѣлѣ есть недостаток... ни слѣпый, ни хромый, ни уродливый» (Лев. 21:18). Именно так выглядят самые известные булгаковские черти: хромой и разноглазый Воланд, неестественно огромный Бегемот, Гелла со шрамом на шее,

«кривой» Азazelло. Также и герои «Дьяволиады» имеют на теле недостатки. Обратимся к главному действующему лицу — делопроизводителю Короткову.

Его левый *глаз* пострадал, причем произошло это по вине *серных* спичек, выданных вместо зарплаты в Главцентрбазспимате. Потом, при первом знакомстве, Кальсонер, к чьей дьявольской природе мы еще обратимся, «ткнул бумагу Короткову так, что чуть не выколол ему и последний глаз» (С. 12). Можно предположить, что, несмотря на все страдания, Коротков неоднозначен. Е. А. Яблоков заметил, что «герой... выступает в двух "ипостасях" — страдательно-«ангельской»

---

² *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. М., 1989. С. 10. Далее повесть цитируется по этому изданию. Курсив в цитатах мой.

535

и агрессивно-«демонической»³. Также значимо то, что различные дефекты внешности — признак нечистой силы в «народном» *христианстве*. А. В. Амфитеатров, описывая народного черта, который «резко отличен от черта аскетов и богословов»⁴, заметил, что низвержение с небес не прошло даром: Сатана утратил былую красоту, а «прелесть лица его превратилась в позорное безобразие»⁵.

К тому же имя Короткова демонстрирует его родственную связь с губителем Кальсонером. Древнееврейское «Варфоломей» — «сын бородатого»⁶. Вспомним, что в одном из обликов Кальсонер обладает «длинной ассирийско-гофриро-ванной бородой» (С. 18). Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить, почему гибнет

делопроизводитель Коротков: в борьбу вступили не просто положительный и отрицательный герои, но два исчадия Ада, и более сильный победил более слабого, но зла от этого не уменьшилось, поскольку в живых остался Кальсонер.

Образ начальника Главцентрбазспимата Кальсонера не менее инфернален. Его определяющее качество — раздвоенность, существование в двух различных и в то же время одинаковых людях. На сатанинскую природу «первого» Кальсонера указывается уже в реплике инструктора Гитиса о том, что новый начальник испытывал принесшие увечье Короткову и Лидочке де Руни спички «и нашел их превосходными» (С. 15). Его медный «тяжелый голос» (С. 15) напоминает «низкий и тяжелый голос»⁷ самого известного булгаковского представителя дьявольских сил — Воланда, который говорит хоть и негромко, но значительно.

Однако же «первый» Кальсонер вдруг исчезает, и на страницах повести появляется его близнец «с длинной ассирийско-гофрированной бородой, ниспадавшей на грудь» (С. 18). Робкие попытки Короткова объяснить появление бороды не увенчались успехом, и вот уже перед читателем «второй» Кальсонер. В. Н. Захаров считает, что «в архаичных и современных сюжетах о близнецах выражена идея двоичности мира, вариативности человеческой судьбы,

³ Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М., 1997. С. 14.

⁴ Амфитеатров А. В. Дьявол // Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. М., 1992. С. 287.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964. С. 76.

⁷ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. М., 1990. С. 77.

двойственности души»⁸. Путаница, возникающая из-за подмены одного человека другим, нередко приводит к помешательству и гибели, как произошло и в случае с Варфоломеем Коротковым. В. Н. Захаров указывает, рассуждая о повести Ф. М. Достоевского «Двойник», на библейский сюжет рождения Исавы и Иакова, где немалую роль сыграли обман и богоборчество⁹.

Непонятен и обманчив Кальсонер не только в обликах бритого и бородатого близнецов, но и тогда, когда он вежливо убеждает *делопроизводителя* Короткова, что в действительности *делопроизводителем* является он сам, Кальсонер. Словно черт из народных представлений, «неутомимый устроитель всех бед и несчастий человечества... смутитель и отравитель частной жизни... величайший лжец и обманщик»¹⁰, Кальсонер запутывает и без того недоумевающего Короткова, рассказывая ему о «мерзавце» (С. 25) Короткове, на которого тот якобы «немного похож» (С. 26).

Оборотничество вообще считается отличительной чертой, по которой в народном христианстве был узнаваем черт¹¹. Но, в отличие от постоянно сменяющих друг друга кальсонеров, Варфоломей Коротков до конца остается верен своей «священной фамилии» (С. 34), из-за чего в сущности и погибает, спасаясь от преследования потерявшей индивидуальность толпы, состоящей из «жучков-народа» (С. 41), во главе со «страшным бритым Кальсонером со старинным мушкетером в руках» (С. 41). Но не оружием были сильны преследователи. Как и кони из сцены страшного суда, Кальсонер выпустил «пламя изо рта» (С. 42) (а огонь неизменно связан с образом геенны, пожирающей

грешников). Потом этот образ будет использован Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита», где пламя из примуса уничтожило ресторан МАССОЛИТа. Е. А. Яблоков заметил, что рыжий цвет (цвет пламени) — также признак смерти, конца света¹². Коротков предпочел стремительно катящейся к гибели действительности, где царят кальсонеры, «солнечную бездну» (С. 42), в которую он «взлетел»

---

⁸ Захаров В. Н. Библейский архетип «Двойника» Достоевского // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 100.

⁹ См.: (Быт. 25:26, 25:34, 32:28).

¹⁰ Амфитеатров А. В. Указ. соч. С. 117.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² См.: Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 48.

537

(С. 42). Последнее, что увидел погибающий Варфоломей Коротков, было «кровяное солнце» (С. 42). Этот зловещий образ, неоднозначно сочетающий признаки жизни и смерти (солнце и кровь), в очередной раз подтверждает предположение об апокалипсической природе «Дьяволиады» и, являясь завершающим образом повести, несомненно, становится в ряд тех булгаковских природных символов, которые демонстрируют неспособность человеческого рода противостоять надвигающимся катастрофам (как, например, в «Белой гвардии», «Собачьем сердце», «Мастере и Маргарите» и др.). Такая inferнальная обреченность выражает дух двадцатого столетия, «едва ли не главный... герой [которого] — Дьявол»¹³.

¹³ *Иванов В. В.* Черт у Набокова и Булгакова // Звезда. 1996. № 11.
С. 148.